

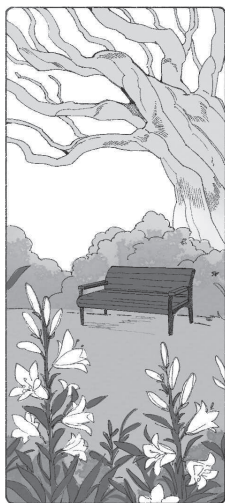
Копирование, тиражирование
и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения
правообладателей.

АКМА РАЛ
РАССВЕТАЕТ

Москва
2026

ГЛАВА 1

Мы выехали из Бата, графство Сомерсет, редким солнечным утром, радости от которого не умаляли даже туман и оставшиеся после ночного дождя влажность и прохлада. Сейчас часы на стене показывали почти полдень, а через пятнадцать минут поезд обязан был остановиться у станции Ватерлоо. Это значило, что я уже в Лондоне и совсем скоро буду дома. Однако это «совсем скоро», которое обычно было для меня моментом тихой радости, сегодня утром превратилось в настоящую пытку, растянувшуюся на три часа. По завершении очередного сезона, когда я покидала тетюшку Маргарет, я возвращалась в Беркмоншир¹, повинаясь воле отца, который всегда лично забирал меня. Однако этой осенью моя поездка была одинокой (тому нашлись причины), а в сопровождающие мне достались

¹ *Беркмоншир* — вымышленная деревня в Англии.

только книга и небольшой чемодан. Пытаясь отвлечься от волнений, я читала о приключениях героя, о чувствах, захвативших его, о том, что заставило его вести дневник. Сама же в этот момент, отдаваясь ощущению авантюризма и независимости, представляла себя на его месте, будто находилась в настоящем путешествии совсем одна и по своему желанию, пока поезд мой мчал не к дому, а вдаль от него: в Европу, в азиатские страны, в монгольские горы и арабские пустыни...

В новый мир и в жизнь, которой я смогу управлять сама.

Однако это «путешествие», а точнее, грезы о нем, все прерывалось неугомонным плачем ребенка, мальчика лет шести, который сидел у своей маменьки на коленях через три сиденья от меня. Он беспрестанно плакал и вырывался из ее хрупких рук. Долгая дорога, даже если она представляет собой промежуток в пару часов, совсем не по нраву таким маленьким джентльменам: они не могут уснуть из-за шума колес, бьющихся о рельсы, а также не способны найти себе веселое занятие, дабы унять скуку, ведь железный зверь мчится, не позволяя устоять на ногах, а маменька не отпускает с колен пробежаться от двери до двери, поскольку вокруг слишком мало места.

Несмотря на все вышеперечисленное, один раз мальчик смог высвободиться из объятий матери и стал бегать меж сидений недовольных пассажиров. Все закончилось тем, что из-за покачивания и быстрых поворотов поезда он разодрал колени и обеспечил нас всех и, думаю, пассажиров со-

седнего вагона тоже, громким «пением» на целых полчаса. После этого бедной уставшей матери удалось унять хулигана всего на час — она показывала ему мелькающие за окном деревья и дома. Так он и уснул. Теперь, проснувшись (проспал-то он всего двадцать пять минут!), мальчик снова заскучал и принялся плакать. Я достаточно терпела это.

Захлопнув книгу и поменяв ее на другую из своего чемодана, я с тяжелым вздохом подняла полы платья и подошла к тому самому сиденью, где и расположилась бедняжка-мать. Она почти сливалась с красной кожаной обивкой кресла, ведь не только я одна косо глядела в ее сторону — весь вагон перешептывался, что не могло ускользнуть от внимания пристыженной женщины. Она как могла шикала на ребенка, пела ему песни и хлопала в ладоши, но малыш все не унимался. Он замолчал лишь на секунду, когда я появилась перед ними.

— Вы позволите? — улыбнулась я, указав на свободное сиденье напротив них.

Женщина виновато оглядела меня, видимо, решив, что я пришла пожурить ее и мальчика. Она с таким же непониманием в глазах наблюдала за следующими моими действиями, когда я, взяв с ее колен ребенка, усадила его на свои и раскрыла перед ним книгу. Ее я прикупила в лавке у дома тетушки и везла подарком для своей младшей сестры, пусть она и была уже совсем взрослой и замужней женщиной. Я знала, что Флоренс все еще любила книги с большими и яркими картинками, потому что из каждой поездки привозила их.

Взору мальчика предстали эскизы трав и деревьев различных видов, открытых в природе Франции и Испании, а также изображения совсем похожих на игрушечных панд, медведей, коал и сонных ленивцев, которых художник рисовал, объезжая величественные просторы Китая. Малышу особенно приглянулись иллюстрации птиц, занимавшие целые страницы; подписи под ними называли каждого — от красногрудого зяблика до горделивого страуса. Он залиvisto засмеялся, когда я провела пальцем по длинной шее нарисованной диковинной пташки и попыталась издать забавный звук, каким, как мне казалось, она могла бы откликаться, хотя я и не знала наверняка, ведь никогда их не встречала.

Окружающие благодарно смотрели на меня, а сама я посоветовала матушке отоспаться хоть часок, если они едут в Беркмоншир, как я. Женщина, поблагодарив, последовала моему совету, ведь они и правда направлялись туда же. Теперь мы ехали в тишине, которую лишь иногда разбавляли хихиканье дитятка и звуки птиц, что я выдумывала, перелистывая страницу за страницей.

Вскоре ребенок сладко уснул в моих объятиях вслед за матерью. Себе же я такого позволить не могла, так как отвечала теперь за две судьбы, исключая собственную, и очень боялась пропустить нужную станцию.

— Мистер, через пару минут останавливаемся. Вы просили уведомить вас, когда будем проезжать Эмбанкмент, — в тишине спящего вагона сообщил проводник.

— Я решил проехать до Беркмоншира, если это не составит вам трудностей. Я доплачу за билет, — ответил ему голос, обладателя которого скрывала от меня широкая спина мужчины.

Затем была произнесена фраза: «Любой каприз за ваши деньги», и весьма довольный собой проводник с чрезмерным пыhtением проследовал в следующий вагон, торопливо пряча пару свежих банкнот в карман. Голос человека, изъявившего желание продлить свою поездку, был столь юн, что я приняла путника за своего сверстника. Впрочем, не исключала я и того, что он мог оказаться и несколько старше. Однако не юношеская мягкость его тембра пленяла меня, а манера речи и звучание английских слов, исходивших из его уст. Он произносил все медленно, тягуче и, когда обращался с просьбой к проводнику, делал это столь ласково и учтиво, что беседа звучала как песня.

Теперь, после ухода проводника, загадочный незнакомец открылся моему вниманию. Как же странно было встретиться с его совершенно прямым и даже непристойным взглядом! И не чувства, которые трудно читались в глазах, делали его таким, а светлые лунки радужек, ехидно улыбавшихся мне не меньше изогнутых губ. Лишь одного беглого взгляда на этого человека было довольно, чтобы утвердиться в мысли: он не англичанин. Не столько внешность, сколько настроение и тонкая атмосфера, исходившая от него, безмолвно свидетельствовали об этом. Так, он отличался от всех окружающих, хоть и был одет во фрак и носил каштановые и густые волны на голове.

Я поспешно отвела взгляд, опутив его на ребенка, и постаралась придать своему образу непринужденности. Однако, думаю, было очевидным, тем более со стороны, что я лишь притворялась спокойной. Я старательно следила за тем, куда был направлен мой взор, чтобы незнакомец не подумал, что я снова гляжу на него. Его же это совсем не волновало. Я чувствовала, как нагло он рассматривал правую сторону моего лица — единственную открытую для него.

Больше я даже не оборачивалась в сторону его сиденья и отчаянно желала, чтобы и он повторил за мной. К счастью, совсем скоро я стала различать за окном поля своей деревни. Я сопровождала улыбкой каждое деревцо и каждый кустик на пустоши, знакомой мне лично, а вскоре наконец увидела свою станцию и принялась высматривать в окно отца или хотя бы Нильсена. Но снаружи была такая толпа, машущая руками в приветствии родным и друзьям, что различить я никого не смогла. Скопление возбужденных людей представлялось безликой серой массой.

Распрощавшись с нежным мальчиком и отдав ему подарок Флоренс как вечное напоминание обо мне, я крепко ухватила за свой багаж и присела на желтую скамью. Я знала, что сестра не обидится: будь она на моем месте, поступила бы так же. Знакомых лиц я так и не обнаружила, но списала все на проблемы на дорогах, так как дожди у нас были частые, и повозка всегда застревала в грязи. Потому я терпеливо ждала хоть кого-то — неважно, отца или Нильсена.

Он солгал. Так твердило мне мое сознание после часа ожидания, когда на станции рассеялась даже та толпа, сквозь которую ранее было невозможно протиснуться. Первые двадцать минут я считала, что папенька не нашел меня, поэтому нужно пойти к нему навстречу, где бы он ни был. Однако из-за страха быть задушенной толпой я осталась на скамье. Но вот людей стало меньше, и я начала догадываться о причинах, намного более приближенных к реальности.

Мне стоило догадаться об этом в тот момент, когда я прониклась первой недоверчивой мыслью. Отец никогда не был столь снисходителен к моим поступкам и к моему нраву, совершенно неподобающим для юной леди, ведь именно они и приводили к действиям, столь ему ненавистным. Обычно, стоило мне поделиться с ним и маменькой достижениями и идеями, которыми я горела, они не выказывали даже желания слушать, не говоря о том, чтобы признательно и с добрейшей улыбкой на устах предложить помощь, как это случилось в начале сентября.

Две недели назад отец написал своей сестре письмо, в котором уверял ее, что мой внезапный побег в Бат еще в далеком мае он сердечно простил, так как уехала я не куда-то, а к его родственнице. Наверняка добрые слова папеньки о том, что он не сердится, а даже винит себя в нашем недопонимании, заполнили собой всю ту обиду к нему, сложившуюся у меня за лето. Он писал и о том, что сам встретит меня на вокзале Беркмоншира, а если не успеет, то все равно пришлет Нильсена,

своего камердинера и кучера по совместительству, с которым я смогу совсем без страха возвращаться домой. Забыв обо всем, я лишь воодушевленно улыбалась и благодарила его за то, что стал разумным. Но полному счастью мешал и стыд, ведь я имела обыкновение часто сетовать на родителей и на жизнь, которую они мне подарили, а этот побег, пусть и к тетушке, служил доказательством моей неблагодарности.

Еще задолго до него, в начале мая, когда закаты сделались совсем розовыми, как дорогой сахар, а ночи были все еще прохладными, я и так условилась с отцом, что летние дни проведу в Бате, а в начале сентября отправлюсь домой. Однако произошедшее после заставило меня распорядиться своей судьбой самостоятельно и снова разозлить отца. В ту ночь я совсем не спала и с рассветом, забрав из его кабинета два шиллинга — все, что нашла на столе на покупку билета до Бата, — отправилась на своих двоих на станцию. Я чувствовала себя такой разъяренной после ссоры с родителем, что отказывалась даже смотреть на него, не то что оставаться с ним под одной крышей, ведь знала, что молчать он не станет и примется поучать меня каждый день до отъезда к тетушке, а может быть, и вовсе отменит мою поездку к ней.

Как бы маменька и Нэнси, наша с Флоренс гувернантка, ни обзывали меня избалованной, ничего прекрасного в своем бытии я не находила. Казалось, будто жила я под куполом, откуда на меня постоянно тарасились глаза, жадно вбирающие в себя каждое мое действие, а любое слово, выпу-

щенное из моих уст, тут же критиковалось и презренно отбивалось, после чего мне мерещилось, что я теряю себя. Мозг, который должен был стать моим главным двигателем, превратился в некую чашу, пригодную лишь для того, чтобы положить в нее навыки вышивания и игры на фортепиано, основы этикета и мысли о замужестве, а еще лучше не просто мысли, а мечты! В противном случае все совсем бесполезно.

Вот только все это мне представлялось таким образом, будто не мысли рождаются в моей голове, а жуки — коричневые, уродливые и ползущие. Они вторгаются, заполняют мое сознание чуждыми, мерзкими идеями, как нечто непрошеное и навязчивое. А если не жуки, то уж точно черви — те самые, что копошатся в земле после дождя, только почувствовав спасительную влагу. Они дребезжат в голове, разъедая мозг и оставляя меня совершенно безучастной ко всему, что общество считает трогательным и человеческим. Именно это и представлялось мне, а вовсе не радужные мечты о замужестве.

Желтая скамья, которая, я верила, послужит мне еще и спальным местом этой ночью, совсем уже утратила свежесть: трещины ее иссохшей краски были видны даже на расстоянии. Будто только этих страданий бедной рухляди не доставало, так еще и я принялась издеваться над ней. Мои покрасневшие от раннего осеннего холода пальцы без команды принялись за дело: под их натиском краска довольно приятно трескалась, и я нашла в этом развлечение для себя на время безнадёжного

ожидания отцовской повозки. Руки совсем уже окоченели, но меня все же больше прельщало продолжать свои глумления над скамьей и упиваться звуком хруста, чем обращать внимание на насущную проблему и уходить в тяжелые мысли.

Надолго меня не хватило — пальцы совсем перестали слушаться, поэтому пришлось запихнуть их в дырявые карманы пальто, попыткам зашить которые я уж потеряла счет. Швея из меня вышла никакая, поэтому ткань продолжала рваться. Вещь не была проношена даже две осени, так что о новой просить я не могла и решила смириться. Пока я отогревала озябшие руки, мое внимание переключилось на живописные красные и зеленые кучи листьев, разбросанные по обеим сторонам рельсов. Мысли мои наконец наполнились тревожными переживаниями, и я вздохнула.

Мне представилась отцовская ухмылка и очередное наказание, которое он наверняка придумает за непослушание и побег. Теперь я точно была уверена в том, что в письме он лишь врал. Волновал вопрос, насколько терпимым отец окажется в этот раз? Он не заходил дальше битья прутьями и запрета приближаться к шкафам с книгами, но иногда мог изощриться, отчего каждый раз мне становилось страшнее за свою свободу, если она вообще у меня была. Маменька всегда оставалась в стороне в такие моменты, но, когда отца не было дома, пыталась вбить в мою голову хоть толику той истины, что была привита когда-то и ей, однако выходило у нее не очень хорошо. Это явление она объясняла тем, что повитуха предрекала моим

родителям рождение сына, но вместо этого появилась я, воплощающая в себе все признаки решительности и твердости, что присущи мужскому полу, но при этом лишенная самой биологической предрасположенности к нему. А вот родись я тем, кем меня предсказывали, мои действия были бы только радостью. Но сейчас для своей семьи я оставалась обузой.

В момент рождения этой мысли человек, облаченный в черный фрак и красивое, но слишком теплое для нашей погоды пальто, тихо и незаметно сел на мою скамейку, вытянув длинные ноги и вздохнув так же, как и я минуту назад. Его густые кудри, сбитые ветром, совершенно безобразно лежали на голове и прикрывали лоб и глаза. Взгляд казался сонным, а остальная часть лица была спрятана за высоким воротником. В следующий миг незнакомец согнулся в кашле, а затем определил свой чемоданчик и шляпку рядом с собой и откинул волосы с глаз. Он расположился на скамье, вдруг обернувшись ко мне так, будто мы были неплохими знакомыми. Я недоверчиво нахмурилась и немного отодвинулась от него, как вдруг его снова охватил кашель. Продолжив смотреть вдаль в надежде наконец заметить родные лица, я старательно игнорировала напряжение, охватившее меня с появления этого странного мужчины.

— Извините, мисс, не подскажете, который час? — вдруг спросил он, разрезая тишину севшим, видимо из-за болезни, голосом.

Несмотря на глухость тона, я узнала его звучание по мелодичности и мягкости произношения.